

УДК 316.34
DOI: [10.19181/snsp.2023.11.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.4)
EDN: [URTMVB](https://edn.ru/URTMVB)

Научная статья

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР И СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ

Ирина Николаевна Воробьева

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

Vorobyova-i-n@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-5970-051X](https://orcid.org/0000-0001-5970-051X)

Для цитирования: Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 70–85. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.4). EDN [URTMVB](https://edn.ru/URTMVB).

Аннотация. Основная цель статьи: показать взаимосвязь уровня территориальной идентичности населения и развитости практик социального участия. Теоретико-методологической основой работы стали труды зарубежных учёных Т. Банини, Р. Капелло, У. Панзера, которые доказывают выраженную деятельностную позицию населения с высоким уровнем территориальной идентичности, и концепция «права на город» Х. Лефебра, представленная в российских реалиях в работах И. А. Скалабан, Е. С. Кочуховой, В. С. Мартьянова, Е. А. Терентьева. Основная гипотеза исследования: население с высоким уровнем территориальной идентичности заявляет своё «право на город» через практики социального участия, которые проявляются более всего в сфере планирования городского пространства, включении в практики соучаствующего управления; в свою очередь, через практики социального участия на локальном уровне укрепляется территориальная идентичность, формируется привязанность к месту проживания. Метод сбора информации: массовый опрос населения города Череповца Вологодской области по квотной репрезентативной выборке населения старше 18 лет в соответствии с половозрастной структурой города. По результатам эмпирического исследования было доказано, что у населения с более высоким уровнем территориальной идентичности существенно шире представлены практики неформального участия, особенно связанные с преобразованием городского пространства. Наиболее явно выражены практики помогающего поведения, больше распространена включённость в деятельность общественных городских организаций. На основании использования дисперсионного анализа было доказано, что группы населения с разным уровнем выраженности практик социального участия статистически отличаются по уровню территориальной идентичности.

Ключевые слова: территориальная идентичность, право на город, социальное участие, помогающее поведение, неформальное участие, солидарность, территориальный капитал

© Воробьева И. Н., 2023

Введение

Территориальная идентичность является важным нематериальным активом поселения, фактором его развития. Наиболее актуален вопрос её изучения в малых и средних городах России, в сельской местности. Закрепление молодёжи на территории проживания является одной из приоритетных задач молодёжной политики большинства регионов России. Важным фактором формирования территориальной идентичности, привязанности к региону проживания, на наш взгляд, является активная политика привлечения населения к практикам социального участия, особенно локального уровня. Принимая активное участие в преобразовании территории, в её благоустройстве, население заявляет так называемое «право на город», на территорию проживания, эмоционально к ней привязываясь.

Для выявления уровня территориальной идентичности используется авторская методика его измерения. Уровень социального участия измеряется через вовлечённость населения в практики формального социального участия, неформального социального участия и помогающего поведения.

Теоретические подходы к исследованию территориальной идентичности

Территориальная идентичность как теоретическая категория получила своё распространение во многих науках. Наиболее разработана эта категория в рамках социально-психологического подхода, культурологического, географического, экономического, маркетингового; имеет множество синонимов, таких как городская идентичность, региональная идентичность, идентичность места. Особенности и специфика применения и использования каждой достаточно детально приведены в обзорных статьях как зарубежных [1; 2; 3], так и отечественных авторов [4; 5; 6].

При изучении территориальной идентичности, применяются два подхода: территориальная идентичность населения как привязанность к региону и территориальная идентичность как образ и основные смыслы данной территории. Одно из самых широких, на наш взгляд, определений территориальной идентичности, в котором заложены оба подхода, приводит Т. Банини: «территориальная идентичность – сложное понятие, включающее множество аспектов: чувство принадлежности и социальные практики, историческую память, специфику местной политики, представление территории, её бренд, тенденции развития, обусловленные социальными практиками людей, которые живут и действуют на данной территории» [7, с. 13].

Не отрицая важности измерения обеих сторон данной категории, мы в своём исследовании будем рассматривать только категорию территориальной идентичности населения, которой соответствует определение К. Е. Тумаковой: «состояние соотношения личности с регионом, региональным сообществом и определенными социальными группами, вызывающее желание и потребность участвовать в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона» [8, с. 70–71].

При изучении территориальной идентичности, авторы, как правило, выделяют четыре компонента: когнитивный, ценностный, эмоциональный, поведенческий (деятельностный, регулятивный) [9; 10]. Когнитивный включает в себя изучение образов поселения, наиболее часто ассоциируемых с территорией, географические, исторические, архитектурные объекты [11; 12; 13; 14]. Ценностный компонент подразумевает установки и ориентиры населения, обусловленные географическим местом проживания, исторической памятью, культурным наследием. Эмоциональный компонент представляет собой психологическую привязанность к территории проживания [15; 16]. Поведенческий компонент включает расположенность к действиям на определённой территории [17; 18].

Наряду с категорией территориальной идентичности получила распространение категория территориального капитала, то есть совокупность материальных и нематериальных активов территории, культурное наследие, специфика региона, особенности населения, их социальная солидарность, эмоциональная связь населения друг с другом и с территорией проживания [19]. Р. Каманьи, Р. Капелло, С. Черисола, Э. Панзера доказывают, что чувство места, территориальная идентичность, социальная сплочённость и общность дают весомый экономический эффект для региона и являются нематериальным активом его развития. Привязанность к месту способствует продуктивности сообщества через практики коллективного поведения, а наличие множественной идентичности делает территорию более изменчивой, ориентированной на будущее [20]. Построение общей территориальной идентичности способствует созданию социального капитала, который является фундаментальным ресурсом для устойчивого развития территорий [21].

Территориальная идентичность как включение населения в практики по преобразованию территории имеет и важный рациональный компонент, который заключается в знании территории, её проблем и возможностей [22]. Города можно превратить в точки роста только предоставив им самим решать проблемы и строить программы городского развития с учётом их специфики, которую лучше представляет вовлечённое в жизнь города население [23].

Ценность места проживания, принятие социально-территориальной общности как своей формирует готовность к социальному участию в развитии региона [24]. Концепция увязки поведенческих практик и территориальной идентичности, на наш взгляд, достаточно полно раскрывается в категории «право на город», которая подразумевает возможность и доступ к городским ресурсам и инфраструктуре всех горожан [22]. Идея «права на город» была выдвинута А. Лефевром, а основной последователь данной концепции, Д. Харви, призывает наиболее слабое с точки зрения наличия административных и экономических ресурсов большинство использовать своё «право на город» – право на преобразование места жительства в соответствии с собственными потребностями [24]. Детально данная категория раскрыта и в трудах отечественных учёных. Город становится местом самореализации индивидов, население с высоким уровнем территориальной идентичности берёт на себя ответственность за место проживания, за его территориальное благоустройство, через совместное решение проблем горожан и властей выражает свои запросы на городское пространство [25; 26; 27].

Но существует и обратная взаимосвязь: участие в разных формах активности, связанных с локальной территорией, формирует привязанность к территории. Соучаствующие практики с целью учёта мнения горожан при преобразовании городского пространства под их потребности, с одной стороны, формируют комфортную городскую среду, с другой стороны, способствуют закреплению горожан на данной территории [28]. Отражается эта идея и в трудах зарубежных авторов, которые доказывают, что в результате деятельности в проектах по реновации культурного наследия с участием местных сообществ возникает синергетический эффект, который способствует развитию уровня территориальной идентичности, чувству места, гражданской активности и гражданской ответственности. То есть через «активацию» культурного наследия при участии местных сообществ происходит усиление территориальной идентичности [29; 15].

Таким образом, на основании анализа работ отечественных и зарубежных авторов можно выделить явную взаимосвязь территориальной идентичности и социального участия. В силу неоднозначности и многоаспектности данных категорий, требуется выделить наиболее общепринятые к ним подходы. Под территориальной идентичностью населения мы будем понимать эмоциональную привязанность к месту проживания, желание связывать свои жизненные стратегии с данной территорией и стремление вступать в социальное взаимодействие для её улучшения. Под социальным участием будем понимать совокупность повседневных социальных практик, направленных на удовлетворение общественного интереса, совместное решение проблем, которые

реализуются как в формальном участии в общественных организациях, так и в неформальной коллективной деятельности и помогающем поведении.

Взаимосвязь выглядит следующим образом: население с высоким уровнем территориальной идентичности активно использует практики социального участия с целью заявить своё «право» на место проживания, подстроить его под свои потребности, жизненные стратегии, стиль жизни. Для этого наиболее активные слои населения, деятельностные ресурсы развития территории активно участвуют в общественных организациях, связанных с разработкой решений по инфраструктуре пространства территории, сами принимают участие в благоустройстве, соучаствующем управлении. Принимая решения в преобразовании городского пространства, создавая «правила» организации совместных повседневных практик на данной территории, по сути, организуя социальное пространство территории, население привязывается к ней и не только заявляет на неё свое «право», но и начинает считать «своей».

Эмпирическая база и методика анализа данных

Для измерения уровня территориальной идентичности населения использована авторская методика, в которую были заложены три базовых индикатора: «рекомендую территорию для проживания», «стремлюсь делать её лучше», «хочу, чтобы на ней остались мои дети, внуки». Они измерялись следующими вопросами: «Порекомендовали бы вы своим знакомым из другого города переехать жить в Череповец?», «Можете ли Вы про себя сказать: "я стремлюсь сделать лучше город, в котором живу"?», «Вы бы хотели, чтобы Ваши дети, внуки остались жить в Череповце?».

Для определения уровня территориальной идентичности каждого респондента рассчитывался общий индекс по трём частным индексам по каждому из вопросов. Для этого вариантам ответов присваивались следующие шкальные значения: «Да» – 5; «Скорее да» – 4; «Затрудняюсь ответить» – 3; «Скорее нет» – 2; «Нет» – 1. Все респонденты на основании индекса были распределены на пять гомогенных групп. «Очень низкий уровень» территориальной идентичности, индекс варьирует в интервале от «1» до «1,99»; «низкий уровень», индекс варьирует от «2» до «2,66»; «средний уровень» – «2,66» до «3,33», «высокий уровень» – от «3,34» до «4», «очень высокий уровень» – от «4,1» до «5». Данная методика позволяет разбить всех респондентов на группы и показать наполненность каждой из них. Но самое главное преимущество этой методики – возможность исследовать взаимосвязь уровня территориальной идентичности с рядом других переменных.

Эмпирической базой исследования стали данные опроса населения города Череповца Вологодской области, который был проведён в апреле 2022 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого

государственного университета. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет. Объём выборки – 668 человек. Опрос осуществлялся интервьюированием респондентов по месту жительства. Техническая обработка информации была произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук). Для интерпретации данных использовались методы нахождения связей переменных, дисперсионный анализ.

Результаты исследования

Приведём результаты измерения уровня территориальной идентичности в зависимости от возраста. Практически по всем вопросам сумма позитивных ответов равняется сумме негативных. 46% жителей города рекомендовали бы своим знакомым переехать в Череповец, 47% говорят, что «стремятся сделать город лучше», но только 38% хотели бы, чтобы их дети и внуки жили в Череповце. Заметна существенная дифференциация оценок в зависимости от возраста. Значительно ниже остальной части населения оценки наиболее миграционно настроенной части горожан – молодежи. Только 25% в возрасте 18–24 года рекомендовали бы своим знакомым переехать в Череповец, 18% хотели бы, чтобы их дети остались в нём жить. Выше уровень стремления сделать город лучше – 38%. Наиболее позитивно относится к городу население предпенсионного и пенсионного возрастов.

В соответствии с авторской методикой выявления уровня территориальной идентичности, получено следующее распределение: среди всего населения от 18 лет и старше 13% с очень высоким и очень низким уровнем, 20–21% с низким и высоким, 33% со средним (см. табл. 1).

Таблица 1
Уровень территориальной идентичности в зависимости от возраста, %

Уровень территориальной идентичности	Возраст						В целом по массиву
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 лет и старше	
Очень низкий	30	16	13	13	8	5	13
Низкий	36	25	20	18	16	6	20
Средний	25	30	38	35	30	36	33
Высокий	7	20	20	19	24	31	21
Очень высокий	3	9	11	14	22	23	13

Сильно выражены возрастные особенности: среди молодежи в возрасте 18–24 года 66% имеют низкий и очень низкий уровень территориальной идентичности, только 3% обладают очень высоким и 7% высоким уровнем. Наоборот, старшее поколение показывает очень высокий уровень.

Как видим, существует значительная дифференциация отношения к городу респондентов из разных возрастных групп. Наиболее негативно относится к городу молодёжь, особенно в возрасте 18–24 года, наиболее позитивно относятся жители в возрасте 65 лет и старше. Уровень участия молодёжи в силу их общей высокой активности может быть достаточно высоким, в то время как старшее поколение в силу возрастных ограничений может быть менее активно, даже имея высокие к этому установки. Именно поэтому, чтобы показать взаимное влияние территориальной идентичности и развитости практик социального участия, мы исключили из анализа наиболее неоднородные по отношению к остальным группы населения до 24 лет и старше 55 лет. Для «сжатия» данных, приведём распределение только среди наиболее негативно и наиболее позитивно настроенных групп населения по критериям территориальной идентичности.

Существует зависимость между развитостью практик социального участия и уровнем территориальной идентичности. Только 19% населения в возрасте 25–55 лет с очень низким уровнем территориальной идентичности являются членами общественных организаций, тогда как среди респондентов с высоким уровнем таких 44%, они в большей степени задействованы в профсоюзах, родительских комитетах, в организациях физкультуры и здорового образа жизни (см. табл. 2).

Среди практик неформального участия значимые отличия выявлены у населения с высоким и низким уровнем территориальной идентичности по степени участия в практиках общественных работ по месту жительства (доля участвующих составляет 31% среди респондентов с высоким уровнем и только 12% с низким), в благотворительных акциях, массовых городских мероприятиях. Помогающее поведение по интенсивности больше всего реализуется по следующим практикам: помощь вещами и продуктами (61% у населения с высоким уровнем территориальной идентичности и 28% у населения с низким уровнем территориальной идентичности), помощь в поисках работы (29 и 10% соответственно); помощь в уходе за престарелыми (20 и 7%); доставка на дом продуктов, одежды, медикаментов (18 и 5%) (см. табл. 3).

Для выявления связи между уровнем участия и территориальной идентичности, все респонденты были сгруппированы в зависимости от интенсивности используемых практик социального участия. Уровень участия приведён по крайним группам – среди тех, у кого данных прак-

Таблица 2

Участие в общественных организациях респондентов с высоким и низким уровнем территориальной идентичности, %

Организации	Уровень территориальной идентичности		Респонденты в возрасте 25–54 года
	Очень низкий	Очень высокий	
Профсоюзы	5	17	12
Родительские комитеты (в школе, детском саду и т. п.)	5	10	7
Физкультуры и здорового образа жизни	3	8	4
Профессиональные, предпринимательские организации и ассоциации	2	8	4
Какие-либо группы, которые встречаются только в Интернете	3	4	3
Творческие, по интересам	3	0	3
Благотворительные	2	6	3
Молодёжные, студенческие	5	4	3
Культурной направленности	3	2	3
Ветеранские	2	6	3
Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ	2	4	3
Досугово-развлекательной направленности	3	4	2
Общественно-политические объединения, политические партии	3	6	2
Женские	2	4	2
Команда Череповца, Мой Череповец	0	6	1
Группы, которых в общей выборке менее 1%	9	19	7
Нигде не состоят, ни в чём не участвуют	81	56	70

тик вообще не было за последнее время и среди тех, кто имел наибольшее количество практик (см. табл. 4). Анализ показывает существенные отличия уровня территориальной идентичности у населения с разным количеством практик помогающего поведения, неформальной помощи и членства в общественных организациях. Среди тех, кто не состоит ни в одной организации, только 27% имеют высокий и очень высокий уровень территориальной идентичности, тогда как среди тех, кто состоит

Таблица 3

Практики помогающего поведения респондентов с очень высоким и очень низким уровнем территориальной идентичности, %

Типы помогающего поведения	Уровень территориальной идентичности		Респонденты в возрасте 25-54 года
	Очень низкий	Очень высокий	
Вещами, продуктами	28	61	46
Деньгами	30	43	42
В домашних делах	30	33	31
Транспортом	20	29	23
Вызывать врача	20	20	21
Присматривать за чужими детьми	18	31	20
В поисках работы	10	29	15
Доставлять на дом продукты, одежду, медикаменты	5	18	13
В уходе за престарелыми/больными	7	20	9
Быть донором	5	14	8
В повышении компьютерной грамотности (освоение новых программ, онлайн-сервисов и т. п.)	10	6	7
Осваивать школьные программы дистанционного обучения	7	8	6
Помогать в решении вопросов с официальными учреждениями	3	16	6

Таблица 4

Уровень территориальной идентичности в зависимости от развитости практик социального участия, %

Уровень территориальной идентичности	Формальное участие, состоят в организациях		Неформальное участие, количество практик		Помогающее поведение, количество практик		Респонденты в возрасте 25-55 лет
	ни в одной	в двух и более	ни одной практики	три и более практик	ни одной	пять и более практик	
Очень низкий	16	8	15	9	18	10	14
Низкий	23	17	25	16	25	17	22
Средний	34	25	34	27	33	36	35
Высокий	18	25	17	27	14	21	18
Очень высокий	9	25	9	20	9	17	11

в двух организациях и более – уже 50%. Не менее показательно и неформальное участие. Среди населения, которое не имело ни одной практики участия, 26% имеют высокий уровень территориальной идентичности, а среди тех, у кого было три практики и более – 47%. Меньше разрыв уровня территориальной идентичности среди населения с разным количеством практик помогающего поведения.

Так как уровень территориальной идентичности выражен количественной величиной, то представляется возможным проведение дисперсионного анализа сравнения индекса территориальной идентичности у групп с разным уровнем развитости практик формального, неформального участия и помогающего поведения (см. табл. 5). Уровень значимости меньше 0,05, это доказывает, что все группы статистически значимо отличаются по индексу территориальной идентичности.

Таблица 5

Результаты дисперсионного анализа индекса территориальной идентичности в разных группах населения по включённости в практики социального участия

Виды участия	Дисперсия	Средний квадрат	F- критерий	Значимость
Формальное участие	Между группами	4,306	4,613	0,01
	Внутри групп	0,933	–	–
Неформальное участие	Между группами	3,28	3,519	0,015
	Внутри групп	0,932	–	–
Помогающее поведение	Между группами	3,207	3,439	0,017
	Внутри групп	0,933	–	–

Приведём зависимость количества практик и среднего индекса территориальной идентичности. Среди тех, кто не состоит ни в одной организации, индекс территориальной идентичности, который измеряется в пределах от 1 до 5, составил 2,84, среди тех, кто состоит хотя бы в одной формальной организации – 3,16 и среди тех, кто состоит в двух и более организациях – 3,26.

Среди тех, у кого за последние два года не было ни одной практики неформального участия, средний индекс территориальной идентичности составил 2,84, среди тех, у кого была одна практика участия – 2,9, у кого две практики – 3,15, у кого три практики и более – 3,24. Меньше

дифференцирован уровень по помогающему поведению. У респондентов, не имеющих за последние год-два практик помогающего поведения, индекс составил 2,74, у имевших одна-две практики – 2,85, три-четыре практики – 3,0, пять и более – 3,14.

Заключение

Территориальная идентичность населения и социальное участие являются взаимообусловленными социальными феноменами. Анализ теоретических подходов к взаимосвязи данных явлений и результатов эмпирических исследований показывает, что население с высоким уровнем территориальной идентичности через практики социального участия, особенно соучаствующего управления, стремится повлиять на условия совместного проживания. Это проявляется в участии в формальных организациях, которые могут влиять на решения муниципальной власти по созданию территориальной инфраструктуры, улучшению и строительству социальных и культурных объектов. Через соучаствующее управление население заявляет своё право на территорию, подстраивает её под свои потребности. Практики неформального участия проявляются в благоустройстве территории, в принятии решений, касающихся непосредственного проживания: двора, дома, подъезда. Они стремятся создать благоприятные добрососедские отношения не только в ближайшем, но и более отдалённом окружении, что выражается в расширенных практиках помогающего поведения.

Активно участвуя в создании правил социального пространства городской среды, население не только предъявляет свои условия, но и привязывается к данной территории, тем самым усиливает свою территориальную идентичность. Именно поэтому привлечение к практикам социального участия на локальном уровне, особенно среди молодёжи, может быть фактором формирования территориальной идентичности и, следовательно, необходимо это учитывать в молодёжной политике в целях удержания молодого поколения в родном регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Paasi A.* Region and place: Regional Identity in Question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475–485. DOI 10.1191/0309132503ph439pr.
2. *Capello R.* Interpreting and Understanding Territorial Identity // *Regional Science Policy and Practice*. 2019. Vol. 11, № 1. P. 141–158. DOI 10.1111/rsp3.12166.
3. *Sebastien L.* The Power of Place in Understanding Place Attachments and Meanings // *Geoforum*. 2020. № 108. P. 204–216. DOI 10.1016/j.geoforum.2019.11.001.

4. Костко Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 190–216. DOI 10.31119/jssa.2022.25.1.7. EDN **IIPICI**.
5. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446–453. EDN **VMBOUV**.
6. Озерина А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 135–139. DOI 10.15688/jvolsu7.2016.4.15. EDN **XSBWQJ**.
7. Vanini T. Towards a Methodology for Constructing Local Territorial Identities // Territorial identities in action / O-R. Povan (ed.). Cluj-Napoca : Presa Universitara Clujeana, 2021. P. 13–39. ISBN 978-606-37-1135-0.
8. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73. EDN **LALWZP**.
9. Авилов Г. М., Кранзеева Е. А. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона / Г. М. Авилов, Е. А. Кранзеева, Л. С. Яницкий // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 110–119. EDN **XJADWB**.
10. Оплетина И. А., Белоусова Н. А. Выраженность компонентов гражданской идентичности у жителей разных регионов России // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6 (86). С. 89–93. DOI 10.24158/spp.2021.6.14. EDN **PLVAEP**.
11. Богатова О. А., Долгаева Е. И. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // Регионология. 2022. Т. 30, № 2 (119). С. 447–469. DOI 10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469. EDN **AIVIGF**.
12. Власов Т. А., Обухов К. Н. В поисках «ижевского мифа»: символическое пространство города как ресурс развития территорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (4). С. 196–220. DOI 10.31119/jssa.2021.24.4.8. EDN **BZZKMA**.
13. Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах города / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 3. С. 101–111. EDN **RODCET**.
14. Paasi A., Harrison J. Handbook on the Geographies of Regions and Territories / A. Paasi, J. Harrison, M. Jones. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2018. 544 p. ISBN 978-1-78536-579-9.
15. Panzera E., Camagni R. The Cultural Heritage – Territorial Capital nexus: theory and empirics / E. Panzera, R. Camagni, R. Capello, S. Cerisola // Supplementi. 2020. № 11. P. 33–59. DOI 10.13138/2039-2362/2547.
16. Шахбанова М. М., Гамзаев Г. Ш. Городская идентичность: индикаторы воспроизводства (на примере Дагестана) / М. М. Шахбанова, Г. Ш. Гамзаев, Р. М. Умаханов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 236–241. DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-2-236-241. EDN **TDNUQX**.
17. Kuus M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe // Transactions of the Institute of British Geographers. 2007. Vol. 32, № 1. P. 90–101. DOI 10.1111/j.1475-5661.2007.00244.x.
18. Prokkola E., Zimmerbauer K. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives / E. Prokkola,

- К. Zimmerbauer, F. Jakola // *European Urban and Regional Studies*. 2015. № 22 (1). P. 104–117. DOI 10.1177/0969776412465629.
19. *Camagni R.* Territorial capital and regional development: theoretical insights and appropriate policies // *Handbook of regional growth and development theories – revised and extended second edition*. Cheltenham : Elgar Publishing Limited, 2019. P. 124–148. ISBN 978-1-78897-001-3.
20. *Basile G., Cavallo A.* Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas // *Sustainability*. 2020. № 12 (3). P. 1–21. DOI 10.3390/su12031272.
21. *Bianchetti C., Cerruti M.* Territory matters. Production and space in Europe // *City territory and architecture*. 2016. № 3 (26). P. 1–6. DOI 10.1186/s40410-016-0055-8.
22. *Кочухова Е. С., Мартьянов В. С.* Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // *Антиномии*. 2019. Т. 19, № 2. С. 45–66. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566. EDN **VDBLZF**.
23. *Скалабан И. А., Серебрянникова О. А.* Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // *Идеи и идеалы*. 2014. Т. 2, № 1 (19). С. 65–74. EDN **SMFSPL**.
24. *Харви Д.* Право на город // *Логос*. 2008. № 3 (66). С. 80–94. EDN **TJIFKX**.
25. *Белусов А. Б., Давыдов Д. А.* От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 362–385. DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2052. EDN **FGVLBZ**.
26. *Вершинина И. А.* Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24, № 2. С. 48–60. DOI 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60. EDN **AVMWTU**.
27. *Терентьев Е. А.* Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 1 (29). С. 194–202. DOI 10.17223/1998863X/29/21. EDN **TMWIGH**.
28. *Печеркина И. Ф., Кошкина А. А.* Территориальная идентичность в социальном пространстве / И. Ф. Печеркина, А. А. Кошкина, Р. Р. Хузахметов // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 85–101. DOI 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101. EDN **NTFDBD**.
29. *Banini T., Ilovan O.-R.* Introduction: Dealing with Territorial/Place Identity Representations // *Representing Place/Territorial Identity in Europe. Discourses, Images, and Practices*. Cham : Springer, 2021. P. 1–19. DOI 10.1007/978-3-030-66766-5_1.

Сведения об авторе

И. Н. Воробьева

кандидат социологических наук, доцент

AuthorID РИНЦ: **290982**

Статья поступила в редакцию 17.12.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 19.02.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.4

TERRITORIAL IDENTITY OF THE POPULATION AS A FACTOR AND CONSEQUENCE OF SOCIAL PARTICIPATION

Irina Nikolaevna Vorobeva

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,

Vorobyova-i-n@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5970-051X

For citation: Vorobeva I. N. Territorial identity of the population as a factor and consequence of social participation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023; 11(1): 70–85. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.4.

Abstract. The main objective of the article is to demonstrate the correlation between the level of territorial identity of the population and the development of social participation practices. The theory and methodology of the study is based on the works of foreign scientists T. Banini, R. Capello, U. Panzer, who prove the pronounced active position of the population with a high level of territorial identity, and on the concept of “the right to the city” by H. Lefebvre, presented in Russian realities in the works by I.A. Skalaban, E.S. Kochukhova, V.S. Martyanova, E. A. Terentyeva. The main hypothesis of the study: the population with a high level of territorial identity declares its “right to the city” through the practices of social participation, that are manifested mostly in the field of urban space planning, inclusion in the practices of participatory management. In turn, practices of social participation at the local level strengthen territorial identity and boost formation of the attachment to the place of residence. Information collection method: mass survey of the population of the city of Cherepovets, Vologda Region, based on a quota sampling of the population over 18 years old according to the gender and age structure of the city. According to the results of an empirical study, it was proved that the population with a higher level of territorial identity has a significantly greater presence of informal participation practices, especially those related to the transformation of urban space. The practices of helping behaviour are most clearly expressed and the involvement in the activities of public city organisations is more common. It was proved with the help of dispersion analysis that population groups with different levels of social participation practices statistically differ in terms of the level of territorial identity.

Keywords: territorial identity, right to the city, social participation, helping behaviour, informal participation, solidarity, territorial capital

REFERENCES

1. Paasi A. Region and place: regional identity in question. *Progress in Human Geography*. 2003; 27(4): 475–485. DOI 10.1191/0309132503ph439pr.
2. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy and Practice*. 2019; 11(1): 141–158. DOI 10.1111/rsp3.12166.
3. Sebastien L. The power of place in understanding place attachments and meanings. *Geoforum*. 2020; (108): 204–216. DOI 10.1016/j.geoforum.2019.11.001.

4. Kostko N. A. Indicators of urban identity as an element of the social space of the city. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022; 25(1): 190–216. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2022.25.1.7.
5. Levochkina N. A. Regional identity: concept and essence. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij=International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016; 1(3): 446–453. (In Russ.).
6. Ozerina A. A. Urban identity as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii=Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and social technologies*. 2016; 4(34): 135–139. (In Russ.). DOI 10.15688/jvolsu7.2016.4.15.
7. Banini T. Towards a methodology for constructing local territorial identities. In: *Territorial identities in action*. Presa Universitara Clujeana; 2021. P. 13–39. ISBN 978-606-37-1135-0.
8. Tumakova K. E. Regional identity and branding as a social management resource. *Vlast'=Power*. 2010; (3): 70–73. (In Russ.).
9. Avilov G. M., Kranzeeva E. A., YAnitckij L. S. Regional identity of youth and the problem of forming the image of the region. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom=Vocational education in Russia and abroad*. 2019; 1(33): 110–119. (In Russ.).
10. Opletina I. A., Belousova N. A. The severity of the components of civil identity among residents of different regions of Russia. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika=Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021; (6): 89–93. (In Russ.). DOI 10.24158/spp.2021.6.14.
11. Bogatova O. A., Dolgaeva E. I. City in theory and practice: factors in the formation of the social identity of the capital of the republic as part of the Russian Federation. *Regionologiya=Regionology*. 2022; 30(2): 447–469. (In Russ.). DOI 10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469.
12. Vlasova T. A., Obuhov K. N. In search of the “Izhevsk myth”: the symbolic space of the city as a resource for the development of territories. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021; 24(4): 196–220. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2021.24.4.8.
13. Vandyshchev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. Places of memory and symbolic capital of territories in the mental maps of the city. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013; 16(3): 101–111.
14. Paasi A., Harrison J., Jones M. Handbook on the geographies of regions and territories. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2018. 544 p. ISBN 978-1-78536-579-9.
15. Panzera E., Camagni R., Capello R., Cerisola S. The cultural heritage – territorial capital nexus: theory and empirics. *Supplementi*. 2020; (11): 33–59. DOI 10.13138/2039-2362/2547.
16. Shahbanova M. M., Gamzaeva G. SH., Umahanov R. M. Urban identity: indicators of reproduction (on the example of Dagestan) State and municipal administration. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and municipal management. Scientific notes*. 2020; (2): 236–241. (In Russ.). DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-2-236-241.
17. Kuus M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2007; 32(1): 90–101.

18. Prokkola E., Zimmerbauer K., Jakola F. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives. *European Urban and Regional Studies*. 2015; (22): 104–117.
19. Camagni R. Territorial capital and regional development: theoretical insights and appropriate policies. In: Handbook of Regional Growth and Development Theories – Revised and extended second edition. Cheltenham: Elgar Publishing Limited; 2019. P. 124–148.
20. Basile G., Cavallo A. Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas. *Sustainability*. 2020; (12): 1–22. DOI 10.3390/su12031272.
21. Bianchetti C., Cerruti M. Territory matters. Production and space in Europe. *City Territory and Architecture*. 2016; 2(26): 1–6. DOI 10.1186/s40410-016-0055-8.
22. Kochuhova E. S., Mart'yanov V. S. Creative city or the right to the city: alternatives for urban development in the Russian context. *Antinomii=Antinomies*. 2019; 19(2): 45–66. (In Russ.). DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566.
23. Skalaban I. A., Serebryannikova O. A. Territorial identity as a factor of social participation: generational context. *Idei i ideally=Ideas and ideals*. 2014; 1(19): 65–74. (In Russ.).
24. Harvi D. The right to the city. *Logos = Logos*. 2008; (3): 80–94. (In Russ.).
25. Belousov A. B., Davydov D. A. From the right to the city to the right to space. Dynamics of municipal conflicts on the example of the Sverdlovsk region. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny=Public opinion monitoring: economic and social changes*. 2021; (6): 362–385. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2052.
26. Vershinina I. A. Henri Lefebvre: from the “right to the city” to the “urban revolution”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya=Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science*. 2018; 24(2): 48–60. (In Russ.). DOI 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60.
27. Terent'ev E. A. Toponymic activism and the “right to the city”: sociological notes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya=Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2015; (1): 194–202. (In Russ.). DOI 10.17223/1998863X/29/21.
28. Pecherkina I. F., Koshkina A. A., Huzyahmetov R. R. Territorial identity in the social space. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya=Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2021; 4(28): 85–101. (In Russ.). DOI 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101.
29. Banini T., Ilovan O.-R. Introduction: dealing with territorial/place identity representations. In: Representing Place/Territorial Identity in Europe. Discourses, Images, and Practices. Cham: Springer; 2021. P. 1–19. DOI 10.1007/978-3-030-66766-5_1.

Information about the Author

I. N. Vorobeva

Candidate of Sociology,

Associate Professor

ResearcherID: [AAX-4496-2021](https://orcid.org/0009-0001-4496-2021)

The article was submitted 17.12.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 19.02.2023.